

РАЗДЕЛ 1.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 913

РОССИЙСКИЙ ЮГ: ПОДХОДЫ И КРИТЕРИИ ДЕЛИМИТАЦИИ

Дружинин А.Г.

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; Институт географии РАН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: alexdru9@mail.ru*

Присущие современной Евразии геоэкономические и геополитические изменения актуализируют переход Российской Федерации к многовекторной внешней и внутренней геостратегии, включая в том числе и «поворот» (политический, экономический и др.) страны на «Юг». На этом фоне в архитектуре российского пространства возрастает значимость (транспортно-логистическая, демографическая, агропромышленная, селитебная, социокультурная) «южной составляющей», инициируя потребность в её концептуализации и делимитации. Обретают актуальность и междисциплинарные исследования в области проблемного российского юговедения, включая их стержневой (пока лишь фрагментами проработанный) географический аспект. В статье предложены подходы и критерии (природно-ландшафтные, ресурсно-хозяйственные, историко-культурные и др.) вычленения особого территориального образования, определяемого как «Российский Юг». Показана его специфика как континуально-дискретной, исторически изменчивой зонально-региональной общественно-географической структуры, подразделяемой на европейскую и сибирскую (зауральскую) составляющие (с членением последней на западно-сибирскую и дальневосточную). Акцентируется, что современным «ядерным» элементом «Российского Юга» (по совокупности признаков) выступают основные селитебные и аграрно-промышленные территории Южного федерального округа (наряду с Воронежской областью и Ставропольским краем). Формируется представление о «Большом Российском Юге» как трансграничном единстве внутрисоссийских и тесно сопряжённых с ними (в том числе геосторически) зарубежных территорий. Приоритетное внимание уделено природно-ландшафтоведческому и политико-географическому обоснованию границ Российского Юга, а также основным трендам их динамики за последние пять столетий (продолжительной «миграции» рубежей Российского Юга от южной периферии леса к югу лесостепи, степной зоны и, далее, к полупустыням, сухим и влажным субтропикам). Сделав вывод, что «Российский Юг», предстаёт позиционной, во многом ситуационной, в существенной мере ментальной характеристикой, соотносимой с природно-климатическими и социально-экономическими особенностями территории.

Ключевые слова: россиеведение, общественная география, Российский Юг, Большой российский Юг, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Исторически сложившееся превалирующее географическое миропонимание в существенной мере базируется на «румбовом мышлении» [1], вычленении так называемых «сторон света», соотношении с ними геопозиции того или иного конкретного пространственного объекта или процесса. В числе базовых, предельно часто используемых, выступают, при этом, и понятия «юг», «южный». Очерчиваемая ими (и их многочисленными производными) реальность, с одной стороны, достаточно конкретна, чётко осмысливаема, хорошо идентифицируема, с другой –

сложна и предельно зависима от всего пространственно-временного контекста, что, кстати, в особой мере характерно для нашей обширнейшей, разнородной по своим региональным природным и социально-экономическим особенностям, обладающей пролонгированной ретроспективой страны.

Разрушение СССР и иные сопряжённые кардинальные геополитические изменения, инициируя переосмысление характеристик российского пространства, способствовали фокусировке внимания в том числе и на присущей его обновлённому контуру асимметричной дихотомии в системе «север-юг» (до 70% её территории Российской Федерации имеют статус районов Крайнего Севера или приравненных к ним местностей [1]), на сохраняющих свойства «южности» территориях [2, 3, 4, 5], на принципах и особенностях их делимитации (включая концептуальной обоснование особой региональной целостности — Юга России [6]). Последующие «тектонические» [7] геополитические и геоэкономические изменения в Евразии, заявленные приоритеты российского геостратегического «разворота на восток» [8, 9], равно как и столь необходимого перехода от доминировавшей три столетия «европоориентированной» модели пространственной организации России к её фактической многовекторности [10] — пролонгировали и вновь актуализировали (причём в ещё большей чем ранее, три десятилетия назад, мере!) «юговедческие» исследования, придали им дополнительный импульс, позволив, в частности, акцентировать роль глобального Юга в локализации производства в России [11], высветить наличие в её общественно-географической структуре «четырёх сторон» [12], обосновать «южный вектор» национального пространственного развития [13]. Продолжая этот тематический тренд, предлагаемая статья нацелена на дальнейшее осмысление и концептуализацию феномена современного российского «Юга», в том числе в рамках разработки подходов и критериев вычленения его динамичных, «размытых», многомерных границ.

ОБЩЕКОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ДЕЛИМИТАЦИИ ФЕНОМЕНА «ЮГА» И «ЮЖНОСТИ»

При идентификации и делимитации «юга», фиксации и констатации свойств «южности» — наиболее существенное значение обретает, прежде всего, положение того или иного пространственного явления (объекта) по отношению к северному и южному полюсам Земли, а также её экватору [14, 15, 16]. В ином, в том числе и более обыденном, понимании категория «юг» используется для обозначения определённых природно-климатических зон (поясов) с относительно повышенным (в северном полушарии), либо несколько пониженным (если речь идёт о противоположной полусфере Земли) температурным фоном и проистекающими из этого климатологическими, гидрологическими, биолого-почвенными и хозяйственно-культурными характеристиками (в российской географии представления о подобного рода фактической зональности детально проработаны благодаря трудам В. В. Докучаева, Л. С. Берга, А. А. Григорьева, Ф. Н. Милькова, Н. А. Гвоздецкого, А. Г. Исаченко и др.).

Устойчивая и масштабно проявляющаяся в том числе в современном контексте неравномерность социально-экономического развития стран и регионов планеты

инициировала ещё одно, геоэкономическое понимание «юга» («Глобального юга» [17]) как обширнейших слаборазвитых, периферийных пространств, существенно, многократно уступающих территориям-лидерам по «качеству» экономики и уровню жизни населения. Аналогичного рода антитеза «Север — Юг» фиксируется и на уровне отдельных, в том числе европейских государств [18].

В масштабе всей планеты восприятие «юга», кроме того, заведомо дуалистично, «зеркально» применительно к так называемым «северному» и «южному» её полушариям. Для России (как и любой иной территории евразийского материка) «южные» географические характеристики выглядят полярно иными, чем для большей части Латинской Америки, либо Австралии, где близость к «югу» означает не что иное как нарастающее климатическое влияние порывной льдом Антарктики.

Соотносительным, опосредованным геополитическими, геокультурными и геоисторическими обстоятельствами предстаёт и понимание «юга» непосредственно в страноведческом анализе. Так, в частности, в территориальной структуре Османской империи XVI–XVII веков низовья Дона, Кубань и Крым выступали в качестве её несомненного и геополитического, и физико-географического «севера». Симптоматично, что в современном турецком языке слово «don» (созвучное названию одной из ведущих рек Европейской части России, впадающей в Азовское море) в переводе на русский язык означает «мороз» или «заморозки» [19]. В системе же координат Российской Империи, равно как и в СССР, а, тем более, в постсоветской России эти же регионы предстают безусловным «югом» со всеми сопутствующими климатологическими и иными смысловыми характеристиками.

В понимании «юга» и «южности» многое предопределяется и превалярующей национальной (цивилизационной) географической картиной мира, выстраиваемой, как правило, вокруг «главного» (столичного) города, либо (в более широком контуре) — исторического ядра формирования этноса, суперэтноса, государства. В русской культуре (в значительной мере «москвоцентричной» [20, 21]) уже в течение пяти столетий (с XV в.) изначальной, исходной точкой отсчёта на осях «север — юг» и «запад — восток» выступает Москва (Московский, Центральный регион), причём в последние тридцать лет подобная «центроориентированность» лишь усилилась: южный, восточный и иные секторы страны ментально формируются по периферии от этого мегацентра, существуя, воспроизводясь лишь в тесной взаимной увязке с ним. «*Российский Юг*» как ключевая для отечественного *юговедения* пространственная структура и географическая категория представляет собой, в этой связи, не только некую геопозицию, либо природно-ландшафтный феномен, но и итог пролонгированной геоисторической траектории (динамики политико-географических, этнодемографических и экономико-географических рубежей, дополняемой формированием и эволюцией важнейших селитебных, хозяйственных и административных центров страны).

Представления о «юге» и «южности» должны являться, в итоге, *плюралистичными (и изменчивыми) во времени и в пространстве, но, в то же время, неизменно конкретными «здесь и сейчас»*, т.е. для отдельно взятой территориальной системы на определённой стадии её эволюционной траектории. В качестве особого ареала, региона, субрегиона, зоны «юг» обособливается и формируется в рамках той

или иной страны (либо группы государств, некоего цивилизационного образования), видоизменяя свой географический контур в общем контексте общественно-географической динамики. Современный Российский Юг, его границы — также являются итогом пролонгированной эволюции осваиваемого русской культурой, обустраиваемого, контролируемого Россией обширнейшего евразийского пространства.

«ЮЖНЫЙ ВЕКТОР» В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РОССИИ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕОИСТОРИЯ И ЕЁ ЛИМОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМАТЫ

Для России «южный вектор» в её пролонгированном пространственном развитии был фактически предопределён комплексом геополитических и геоэкономических обстоятельств. В их многоаспектной совокупности первоначальным, стартовым явился, вне сомнения, исторический феномен «Крещения Руси» (как отправного момента и, одновременно, кульминации вхождения ареала зарождения русского этноса в цивилизационное поле высокоразвитого южного соседа — Византии [22]. В дальнейшем основополагающее значение в выстраивании нашей страной «южного вектора» обрело так называемое «татаро-монгольское иго», или, используя иной, более корректный по тональности нарратив (превалирующий в текстах основоположников «евразийства», равно как и публикациях их интеллектуальных последователей, включая Л. Н. Гумилёва [23]) — русско-тюркского симбиоза в рамках сложившегося к середине XIII столетия единого государственного образования [23, 24, 25], включающего не только традиционную для расселения русских лесную зону, но и обширные (простирающиеся к югу от Владимира, Ярославля, Суздаля и других столиц удельных русских княжеств) пространства Великой степи. Оказавшись в пределах Золотой Орды (Улуса Джучи) в качестве её геополитической периферии (но, при этом, будучи относительно плотнозаселённой территорией с развитой стационарной системой расселения [22]), исторический ареал локализации русского этноса невольно стал «севером» этой евразийской сверхдержавы, тем самым, одновременно, обретая, ощущая, воспринимая и столь значимое для него в тот временной период обширное «южное» пространство.

Дихотомия «север-юг» изначально была присуща, впрочем, самим русским княжествам, имея место также и в домонгольский период. В Древней Руси (как полагают [26]) дифференциация её Севера и Юга проявлялась в том числе непосредственно на уровне этнического субстрата: на Юге превалировал ирано-тюрко-славянский симбиоз, в то время как на Севере — финно-славянско-скандинавский. К середине XVI столетия достаточно чётко прорисовывается и южное порубежье формирующегося в тот период современного русского этноса (и Московского государства как его политико-географической доминанты) – «Большая засечная черта» [27, 28], т.е. укреплённая (и, одновременно, географически наиболее уязвимая для набегов со стороны степных южных народов) линия от Рязани до Тулы. Именно эта полоса, что характерно, в целом в пространственном отношении оказалась тождественна и весьма значимой ландшафтной демаркации, обозначенной Ф.Н. Мильковым как «Основной рубеж Русской равнины», проходящий по северной границе лесостепи и южной границе лесной зоны и подразделяющий природные зоны

современной Европейской части страны на две составляющие — северную и южную [29].

На последующих хронологических этапах Россия неизбежно (в логике взаимодействия кочевых и оседлых культур, когда степные народы, вовлекая экспансией в орбиту влияния сопредельные земледельческие этносы, впоследствии «передают» им свои исторические ареалы расселения [30]) «выплеснулась» в степь и, реализуя свои геополитические интересы, прорывалась, далее, к южным морям, боролась за влияние с Османской империей и Ираном на Кавказе [31]. Эта динамика конструировала, расширяла, видоизменяла не только границы государства, но и географический контур собственно его «Юга». Если для Московского княжества XV века южное порубежье тяготело к р. Ока (примерно к 50-й параллели) и было приурочено к широколиственным лесным (по классификации А. Г. Исаченко [32]) типам ландшафта, то уже к XVII столетию оно простиралось и на лесостепь, а с XVIII в. захватывало северные степные ландшафты, «мигрируя» далее в среднестепные и южностепные природные комплексы. Граница Российского Юга, в результате, последовательно смещалась от южной периферии леса к югу лесостепи, степной зоны и, далее, к полупустыням, сухим и влажным субтропикам... Юг сам, в итоге, обретал сложную природно- и общественно-географическую структуру, в которой вычленялся уже свой, «внутренний» (новый) Юг (включающий в том числе Кавказ и Закавказье). Процесс этот продолжался практически вплоть до конца существования Российской Империи.

Анализируя многовековой тренд, важно подчеркнуть, что именно XVIII столетия, а в ещё большей мере в XIX веке — «южный вектор» российской геополитической экспансии оказался наиболее продуктивным и предельно выраженным, став фактически трансконтинентальным, проявляющимся (как это верно акцентировано столетие назад [33]) на всём обширнейшем пространстве Империи от Чёрного до Японского морей. Наиболее же масштабным (своими территориальными и демографическими «обретениями») продвижением на «юг» оказалось ознаменовано XIX столетие (в особой мере - его вторая половина), когда в структуру России были интегрированы Южный Кавказ, а также казахские степи и иные территории Туркестана. Одновременно прирастал российский «юг» на Дальнем Востоке (в 1858-1859 гг. Российская империя инкорпорировала в свой состав ранее принадлежавшие Китаю территории Приамурья и Приморья, ставшие экономической и военной опорной базой страны на Тихом океане [34]; в 1914 г. — Урянхайский край, т.е. Тыву).

«Южный вектор» отечественной геополитической экспансии (дополняемый миграциями населения из центральных и западных регионов страны, развитием транспортной инфраструктуры, выстраиванием производственно-технологических и торговых связей и взаимозависимостей), став одним из наиболее масштабных и значимых в формировании исторического пространства Московского государства - Российской империи — СССР, таким образом последовательно формировал многослойную (многополосную, в соответствии с особенностями геоистории, равно как и природно-ландшафтной и этнодемографической спецификой), структурируемую также по отдельным регионам и укрупнённым «южным»

субсекторам (причерноморский, кавказский, каспийский, туркестанский, западно-сибирский, восточно-сибирский и дальневосточный) *зонально-региональную* мозаику расширяющегося Российского Юга.

3. СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ЮГ: ВАЖНЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ДЕЛИМИТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

«Южность» тех или иных пространств современной России (Российской Федерации) определяется геоисторией страны, её важнейшими физико-географическими особенностями и, наконец, позицией (географическим положением) относительно сложившихся узловых элементов хозяйственного и селитебного освоения.

По самому своему определению Российский Юг в Европейской части страны вынесен в более низкие широты, чем Москва (и её агломерация, в целом столичный регион с тяготеющими к нему субъектами федерации). В Сибири (в её историческом, «широком» понимании [35]) он простирается южнее полосы основного расселения, т.е. Транссиба. Если южные и западные рубежи «Российского Юга» имеют весьма чёткую политико-географическую демаркацию (тождественны границам Российской Федерации), восточные — преимущественно оконтурены тихоокеанскими акваториями, то северные — предельно «размыты» и «многолинейны» за счёт пролонгированного «смещения» Южных территорий собственно на юг («никакой пространственный рубеж, как справедливо подчёркивал А. Г. Исаченко, не остаётся неизменным» [36, с. 33]) при одновременном трендовом расширении (структурном и ментальном) центрального ареала страны.

С учётом исторических и социокультурных обстоятельств сложившаяся российская «южность» фиксируется уже с уровня 50°с.ш.; в физико-географическом отношении (как системная характеристика) она закономерным образом нарастает при продвижении от лесостепи к черноморским субтропикам; в экономическом — оконтуривается ареалом наиболее продуктивного растениеводства (зерновые, подсолнечник) на чернозёмах. Важным атрибутом «южности» территорий выступает и их природно-детерминированная «благоприятность для проживания» [37], причём для Сибири в качестве «южной» может рассматриваться «условно благоприятная зона» (Алтайский Край, Новосибирская и Кемеровская области), а Дальнего Востока (Тихоокеанской России) — лишь Приморский край. Приоритетным критерием «Юга» для территорий Сибири, безусловно, выступает и отсутствие на них проявлений вечной мерзлоты.

С какой бы территорией мы не имели дело, постулировал ещё в 1941 г. Н. Н. Баранский «её можно и должно рассматривать двояко: 1) как часть некоторого более обширного целого и 2) как целое, состоящее из частей» [38, с. 19]. С позиций данного приоритетного для общественно-географического анализа методологического подхода Российский Юг структурируем на свою европейскую и сибирскую (зауральскую) составляющие (с подразделением последней на западно-сибирскую и дальневосточную). Современным его «ядерным» элементом (по совокупности признаков) выступают основные селитебные и аграрно-

промышленные территории Южного федерального округа (наряду с Воронежской областью и Ставропольским краем). Сам «Российский Юг» (характеризуемый юрисдикцией Российской Федерации), при этом, является своего рода «тектонической платформой» по отношению к более широкому по своему пространственному охвату «*Большого российского Юга*», чьи периферийные территории (приуроченные ныне в значительной мере к постсоветскому пространству) связаны с собственно Российским Югом (и Россией в целом) общей геоисторией, устойчивыми трансграничными хозяйственными и гуманитарными взаимодействиями, а также активным циркулированием русской культуры, компактной локализацией её носителей (в том числе фактических граждан Российской Федерации).

ВЫВОДЫ

С предметно-содержательных позиций общественной географии «юг» и «южность» выступают позиционными, во-многом ситуационными, в существенной мере ментальными типологическими характеристиками (предопределяемыми не только геодезией, картографией, но и геополитикой, геоэкономикой, всей предшествующей «исторической колеей»), неизменно соотносимыми, при этом, с природно-климатическими и социально-экономическими особенностями конкретной территории. Формируясь (и осмысливаясь) в рамках той или иной страны (либо группы государств, определённого цивилизационного образования) «Юг» (как особый ареал, регион, зона), обретая устойчивость, диверсифицируя (усложняя) структуру, одновременно видоизменяет свой географический контур в общем контексте трансформации (в том числе и расширения) пространства, объединяемого рамками той или иной геополитической и социально-экономической целостности. Современный Российский Юг (равно как и «вмещающее» его более широкое по охвату мегаобразование — «Большой российский Юг») является следствием пролонгированной евразийской геоистории. Последняя (применительно к России) в последнее время, вне сомнения, вступила в новую активную, турбулентную стадию, вводя российское юговедение, его геоструктурные, лимнологические аспекты — в число безусловных приоритетов отечественной науки.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Список литературы

1. Тревиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
2. Дружинин А. Г. Русский регионализм - явление в контексте геотнотуругенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.
3. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф. 2010. 240 с.

4. Бабурин В. Л. Геополитические факторы регионального развития // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. М.-Смоленск: Ойкумена. 2013. С. 42–62.
5. Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг городов и территорий. СПб.: Алетей. 2020. 668 с.
6. Дружинин А. Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С.56–64.
7. Шупер В. А. Самоорганизация на переломе. Траектории социально-экономического развития: вызовы для России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 1. С. 147–155.
8. Бакланов П. Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 5. С. 8–19.
9. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125.
10. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2021. 270 с.
11. Кузнецов А. В. Изменение географии производства в России под влиянием разворота экспорта на глобальный Юг // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / под общей ред. А. Г. Дружинина и В. П. Сидорова. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет». 2021. С.33–38.
12. Маргын В. Л. «Четыре стороны России: основные тенденции макрорегионального развития // Псковский регионологический журнал. 2018. № 4. С. 3–19.
13. Дружинин А. Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 5–14.
14. Юг // Толковый словарь Даля [Электронное издание]. Режим доступа: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=44135> (дата обращения – 21.01.2022).
15. Юг // Большая российская энциклопедия [Электронное издание]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/geography/text/4918510> (дата обращения – 21.01.2022).
16. South. Oxford Dictionary [Электронное издание]. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/?q=South> (дата обращения – 23.01.2022)
17. Яковлев П. П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27.
18. Лавров С. Б. «Север-Юг»: новая формула региональных контрастов в ФРГ // Известия Всесоюзного географического общества. 1987. Вып. 3. С. 318–325.
19. Турецко-российский онлайн-словарь. [Электронное издание]. Режим доступа: www.demek.ru (дата обращения – 30.04.2022)
20. Калущков В. Н. «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.
21. Дружинин А. Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra. // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.
22. Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.
23. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль. 1989. 497 с.
24. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага. 1927. 264 с.
25. Хакимов Р. С. Как возникла Великая Татария и чем она стала. Казань. Институт истории АН Республики Татарстан. 2018. 197 с.
26. Формозов А. А. Древнейшие этапы истории Европейской России. М.: Наука. 2002. 154 с.
27. Каргалов В. В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI-XVII вв. // Военно-исторический журнал. 1986. № 12. С. 61–67.
28. Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. М. 1916. 321 с.
29. Мильков Ф. Н. К анализу ландшафтных физико-географических рубежей на Русской равнине // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. № 1. С. 11–25.

30. Николаенко Д. В. Морфология социо-культурных образований // Культура народов Причерноморья. 1998. № 2. 136 с.
31. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Мысль. 1989. 347 с.
32. Исаченко А. Г. Ландшафтная структура экономических районов СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1988. Вып. 1. С. 14–23.
33. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. 319 с.
34. Минакир П. А. Россия на Тихом океане (приобретение Россией тихоокеанских провинций и генезис управления их освоением и развитием) // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 104–124.
35. Колосовский Н. Н. Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. 1925. № 5. С. 236–246.
36. Исаченко А. Г. О физико-географических рубежах Русской равнины // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. № 1. С. 26–35.
37. Виноградова В. В. Изменение природно-климатической дискомфортности в XX–XXI вв. на территории России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 3. С. 30–39.
38. Баранский Н. Н. О методике лекций по районному курсу экономической географии СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1941. № 1. С. 16–22.

THE RUSSIAN SOUTH: APPROACHES AND CRITERIA OF DELIMITATION

Druzhinin A. G.

*Southern Federal University, Rostov-on-Don; Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: alexdru9@mail.ru*

The geo-economic and geopolitical changes inherent in modern Eurasia actualize the transition of the Russian Federation to a multi-vector external and internal geostrategy, including, among other things, the "turn" (political, economic, etc.) of the country to the "South". Against this background, the importance (transport and logistics, demographic, agro-industrial, residential, socio-cultural) of the "southern component" is increasing in the architecture of the Russian space, initiating the need for its conceptualization and delimitation. Interdisciplinary research in the field of problematic Russian Southern studies is also becoming relevant, including their core (so far only fragments have been worked out) geographical aspect. The article proposes approaches and criteria (natural-landscape, resource-economic, historical-cultural, etc.) for the identification of a special territorial entity defined as the "Russian South". Its specificity is shown as a continually discrete, historically variable zonal-regional socio-geographical structure, subdivided into European and Siberian (Trans-Ural) components (with the latter divided into West Siberian and Far Eastern). It is emphasized that the main residential and agricultural-industrial territories of the Southern Federal District (along with the Voronezh Region and the Stavropol Territory) are the modern "nuclear" element of the "Russian South" (according to the totality of signs). The idea of the "Great Russian South" is being formed as a cross-border unity of domestic and closely related (including geohistorically) foreign territories. Priority attention is paid to the natural-landscape and political-geographical justification of the borders of the Russian South, as well as the main trends of their dynamics over the past five centuries (prolonged "migration" of the borders of the Russian South from the southern periphery of the forest to the south of the forest-steppe, steppe zone and, further, to semi-deserts, dry and humid subtropics). Having concluded that the "Russian South" appears to be a positional,

largely situational, to a significant extent mental characteristic correlated with the climatic and socio-economic characteristics of the territory.

Keywords: Russian studies, social geography, Russian South, Big Russian South, Russia.

References

1. Trejvish A. I. Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda. M.: Novyj hronograf. 2009. 372 s. (in Russian).
2. Druzhinin A. G. Russkij regionalizm - yavlenie v kontekste geoetnokul'turogeneza // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 1996. № 1. S. 3–10. (in Russian).
3. Krylov M. P. Regional'naya identichnost' v Evropejskoj Rossii. M.: Novyj hronograf. 2010. 240 s. (in Russian).
4. Baburin V. L. Geopoliticheskie faktory regional'nogo razvitiya // Geografiya, gradostroitel'stvo, arhitektura: sintez nauk i praktik. M.-Smolensk: Ojkumena. 2013. S. 42–62. (in Russian).
5. Zamyatin D. N. Geokul'turnyj brending gorodov i territorij. SPb.: Aletejya. 2020. 668 s. (in Russian).
6. Druzhinin A. G. YUg Rossii: ponyatijno-terminologicheskaya koncepciya i territorial'nye realii // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 1999. № 3. S.56–64. (in Russian).
7. SHuper V. A. Samoorganizaciya na perelome. Traektorii social'no-ekonomicheskogo razvitiya: vyzovy dlya Rossii // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2020. № 1. S. 147–155. (in Russian).
8. Baklanov P. YA. Tihookeanskaya Rossiya: geograficheskie i geopoliticheskie faktory razvitiya // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2015. № 5. S. 8–19. (in Russian).
9. Kuznecova O. V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii: illyuziya reshenij i real'nost' problem // Prostranstvennaya ekonomika. 2019. T. 15. № 4. S. 107–125. (in Russian).
10. Druzhinin A. G. Idei klassicheskogo evrazijsstva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskij analiz. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. 270 s. (in Russian).
11. Kuznecov A. V. Izmenenie geografii proizvodstva v Rossii pod vliyaniem razvorota eksporta na global'nyj YUg // Nastoyashchee i budushchee Rossii v menyayushchemsya Mire: obshchestvenno-geograficheskij analiz i prognoz / pod obshchej red. A. G. Druzhinina i V. P. Sidorova. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Izhevsk, 13-18 sentyabrya 2021 g.). Izhevsk: Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet». 2021. S.33–38. (in Russian).
12. Martynov V. L. «CHetyre storony Rossii: osnovnye tendencii makroregional'nogo razvitiya // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2018. № 4. S. 3–19. (in Russian).
13. Druzhinin A. G. «YUzhnyj vektor» geostrategii Rossijskoj Federacii v sovremennom global'nom i evrazijskom kontekste: sistemnye faktory aktualizacii // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2022. № 1. S. 5–14. (in Russian).
14. YUg // Tolkovyy slovar' Dalya [Elektronnoe izdanie]. Rezhim dostupa: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=44135> (data obrashcheniya – 21.01.2022). (in Russian).
15. YUg // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya [Elektronnoe izdanie]. Rezhim dostupa: <https://bigenc.ru/geography/text/4918510> (data obrashcheniya – 21.01.2022). (in Russian).
16. South. Oxford Dictionary [Elektronnoe izdanie]. Rezhim dostupa: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/?q=South> (data obrashcheniya – 23.01.2022).
17. YAKovlev P. P. Global'nyj YUg: konceptual'nye podhody i social'no-ekonomicheskie processy // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2021. T. 14. № 2. S. 6–27. (in Russian).
18. Lavrov S. B. «Sever-YUg»: novaya formula regional'nyh kontrastov v FRG // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1987. Vyp. 3. S. 318–325. (in Russian).
19. Turecko-rossijskij onlajn-slovar'. [Elektronnoe izdanie]. Rezhim dostupa: www.demek.ru (data obrashcheniya – 30.04.2022) (in Russian).
20. Kaluckov V. N. «Imya» v geografii: ot toponima k geokonceptu // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2016. № 2. S. 100–107. (in Russian).
21. Druzhinin A. G. Prolongaciya «moskvocentrchnosti» rossijskogo prostranstva: pro et contra. // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 5. S. 29–42. (in Russian).

22. Sushchij S. YA., Druzhinin A. G. Ocherki geografii russkoj kul'tury. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNCVSH, 1994, 576 s. (in Russian).
23. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'. M.: Mysl'. 1989. 497 s. (in Russian).
24. Vernadskij G. V. Nachertanie russkoj istorii. CHast' pervaya. Evrazijskoe knigoizdatel'stvo. Praga. 1927. 264 s. (in Russian).
25. Hakimov R. S. Kak vznikla Velikaya Tatariya i chem ona stala. Kazan'. Institut istorii AN Respubliki Tatarstan. 2018. 197 s. (in Russian).
26. Formozov A. A. Drevnejšie etapy istorii Evropejskoj Rossii. M.: Nauka. 2002. 154 s. (in Russian).
27. Kargalov V. V. Zasechnye cherty i ih rol' v oborone Russkogo gosudarstva v XVI-XVII vv. // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1986. № 12. S. 61–67. (in Russian).
28. YAKovlev A. I. Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII v.: Ocherki iz istorii oborony yuzhnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva. M. 1916. 321 s. (in Russian).
29. Mil'kov F. N. K analizu landshaftnyh fiziko-geograficheskikh rubezhej na Russkoj ravnine // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1952. № 1. S. 11–25. (in Russian).
30. Nikolaenko D. V. Morfologiya socio-kul'turnyh obrazovanij // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1998. №2. 136 s. (in Russian).
31. Solov'ev S. M. Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 2. M.: Mysl'. 1989. 347 s. (in Russian).
32. Isachenko A. G. Landshaftnaya struktura ekonomicheskikh rajonov SSSR // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1988. Vyp. 1. S. 14–23. (in Russian).
33. Tridcatye gody. Utverzhdenie evraziycev. Kniga VII. 1931. 319 s. (in Russian).
34. Minakir P. A. Rossiya na Tihom okeane (priobretenie Rossiej tihookeanskih provincij i genezis upravleniya ih osvoeniem i razvitiem) // Prostranstvennaya ekonomika. 2006. № 3. S. 104–124. (in Russian).
35. Kolosovskij N. N. Hozyajstvennye problemy Sibiri // Planovoe hozyajstvo. 1925. № 5. S. 236–246.
36. Isachenko A. G. O fiziko-geograficheskikh rubezhah Russkoj ravniny // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1952. № 1. S. 26–35. (in Russian).
37. Vinogradova V. V. Izmenenie prirodno-klimaticheskoy diskomfortnosti v XX–XXI vv. na territorii Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2018. № 3. S. 30–39. (in Russian).
38. Baranskij N. N. O metodike lekcij po rajonnomu kursu ekonomicheskoy geografii SSSR // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1941. № 1. S.16–22. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.06.2022 г.